

На правах рукописи

Подорога Борис Валерьевич

Понятие гештальта в философии Освальда Шпенглера

Специальность 09.00.03 – История философии

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Москва – 2015

Работа выполнена на кафедре истории зарубежной философии философского факультета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ).

Научный руководитель: ИВАХНЕНКО ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ
доктор философских наук, профессор,
Российский государственный
гуманитарный университет,
заведующий кафедрой социальной
философии

Официальные оппоненты: МАРКОВ БОРИС ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор философских наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный
университет,
профессор кафедры философской
антропологии

МИХАЙЛОВ ИГОРЬ АНАТОЛЬЕВИЧ
кандидат философских наук, Институт
философии российской академии наук,
старший научный сотрудник сектора
современной западной философии

Ведущая организация: Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова

Защита состоится 16 декабря 2015 года в 15.00 на заседании
диссертационного совета Д 212.198.05, созданного на базе РГГУ, по адресу:
125993, ГСП-3, Москва, Миусская пл., д. 6, корп. 7.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке РГГУ по адресу: 125993,
ГСП-3, Москва, Миусская пл., д. 6, корп. 6 и на сайте <http://www.rsuh.ru/>.

Автореферат разослан «___» _____ 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук

В.М. Карелин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Понятие гештальта знаменует одну из ключевых проблем сегодняшнего философского дискурса. Главный вопрос влиятельнейших философских концепций второй половины XX и начала XXI столетий – научного марксизма 60-х годов (Луи Альтюссер, Мераб Мамардашвили, Эвальд Ильенков), археологии знания (Мишель Фуко), структурного психоанализа (Жак Лакан), деконструктивизма (Жак Деррида), современных социальных, политических и эстетических критических теорий (Пьер Бурдьё, Жак Рансьер, Жан-Люк Нанси, Филипп Лаку-Лабарт) представляет собой трансформацию старого вопроса эпохи Просвещения, определяющего самопонимание европейской культуры: Как возможно знание? Его трансформация, начавшаяся в начале XX веках и получившая ясные очертания в теориях указанных мыслителей, определяется утверждением гетерогенности порядка существования знания и порядка возможности знания. Если в эпоху Просвещения различие между психологией и онтологией познания устанавливалось в контексте убежденности в существовании предельных критериев его объективности, то в философии постмодерна это различие выводится на радикально новый уровень: утверждается, что не существует таких критериев для обоснования знания, которые могли бы заведомо быть признанными объективными. В философии постмодерна вопрос о возможности знания связывается с недоверием к фигуре субъекта (человека), за которым всегда было последнее слово в разрешении онтологических проблем эпохи Просвещения.

Это недоверие к субъекту определяется тем, что Лиотар называл «состоянием постмодерна», связанного с «кризисом метанарративов». Наука, как техническое знание, требует для себя обоснования и легитимации, функцию которых выполняют метанарративы (великие рассказы). К последним относится все, что связано аксиологией эпохи Просвещения: это история о

прогрессе, работе познающего субъекта на благо грядущего вечного мира и т.д. Период господства метанарративов – это состояние модерна, которое в явном виде существует от начала Нового Времени (XVII в.) до конца первой половины XX-ого столетия, после чего начинается их распад, знаменующийся появлением множества «малых нарративов», определяющихся продуцированием знания в рамках локальных языковых игр. Казалось бы, Шпенглер может считаться предшественником постмодернистского взгляда, поскольку он был среди первых мыслителей, заговоривших об информационной множественности в связи с концепцией жизненного многообразия. Шпенглер претендовал на преодоления проекта Просвещения – эпохи наибольшего влияния метанарративов – через отказ от европоцентризма и утверждение культурной множественности: всемогущий субъект растворяется в органическом плюриверсуме, где исторические истины западноевропейской культуры оказываются лишь одними из многих.

Однако свидетельством шпенглеровской укорененности в метафизической логике Просвещения является претензия его философско-исторического подхода на тотальность: концепция Шпенглера выстраивается в качестве всеохватной картины мира, подразделяющейся на инструментально-прагматический и валютативный аспекты, где в качестве первого выступает Природа, а в качестве второго – История (жизнь). Если Природа определяет субъекта как консервативного агента культурного единства, то История по отношению к нему несет в себе функцию легитимации, оправдывающую его стремления к утверждению собственной необходимости и общезначимости. Существование субъекта как носителя устойчивой культурной парадигмы с присущей ему способностью к ассимиляции чувственного опыта базируется на образе органического становления, который обладает аксиологическим значением. При всей полемичности Шпенглера по отношению к классическому модерну, он остается с ним тесной связью. Шпенглеровская философия не может быть определена через парадигмальный разрыв между классическим и

неклассическим модерном, как полагают многие его интерпретаторы, говоря о осуществляемом Шпенглером переходе от философии разума к философии жизни: она тесно связана с разработкой с помощью обновленных посредством историцистского и виталистского терминологического аппарата концептуальных взаимосвязей, изначально имплицитированных в исходную структуру модерна, общую для обеих его ветвей. То, что, с точки зрения Шпенглера, является радикально новой моделью истории, определяющейся цикличностью и поликультурностью, есть встраивание исходной историко-телеологической проблематики в русло философии жизни, которое в поздних сочинениях Шпенглера становится основной консервативной онтологией, интенсифицирующей заложенные в логике Просвещения понятия исключительности и уникальности в рамках тоталитарно-идеологического опыта.

Целью данной работы является историко-философская реконструкция и критический анализ понятия гештальта в философском творчестве Освальда Шпенглера, позволяющая выявить значение гештальта для современной философии в целом. Для реализации этой цели в диссертации ставятся следующие **задачи**:

- 1) рассмотреть фигуру Природы у Канта как идею пространственного миропознания, концептуализирующую эффект *двойного порядка*: аффект/репрезентация;
- 2) показать совершаемую Шпенглером квазивиталистскую универсализацию мировой истории через метафору растения;
- 3) эксплицировать взаимосвязь логики жизни и логики причинности в ее связи с концептуализацией у Хельмута Плеснера в понятии *еще-не-бытия*;
- 4) проанализировать в отношении к общему разбору идеологии «консервативная революция» критическую взаимосвязь между идеей 1789 и идеей 1914;

- 5) подвергнуть анализу онтономическую теорию Карла Шмитта: отношение Друг/Враг;
- 6) разобрать значения политических терминов корпорации и народного организма;
- 7) изложить ключевую для утверждения немецкой националистической идентичности мифологему солнца.

Обзор используемых первоисточников

Диссертационное исследование основывается, в первую очередь, на немецкоязычных первоисточниках. Трудность исследования Освальда Шпенглера состоит в том, что философское содержание его творчества, которое, как мы пытаемся показать, основывается на понятии гештальта, может быть вычленено из его текстов только с отсылкой к многочисленным авторам, на которых Шпенглер не ссылается, но идеи которых содержатся в его сочинениях¹. Из этих работ наиболее очевидными и известными являются работы И. Канта, И. Гете и Ф. Ницше – единственные, авторитет которых Шпенглер открыто признает. Наряду с ним, среди тех, кого Шпенглер не называет, по свидетельству современников немецкого философа, непосредственно наблюдавших процесс его работы (Э. Мейер), присутствуют Ф. Шеллинг, А. Бергсон, В. Дильтей, Э. Мах, Г. Риккерт, М. Мюллер, М. Вертгеймер, К. Коффка, В. Келер. Особое место занимают последователи Шпенглера, концептуализировавшие его интуиции и создавшие, тем самым, почву для расширения интерпретационного пространства его философского опыта. Наиболее известен среди них представитель философской антропологии, Хельмут Плеснер, который во введении к своей главной книге «Ступени органического и человек» открыто называет себя продолжателем идей Шпенглера. Следует отметить, что политический аспект понятия гештальта, связанный с концепцией консервативной революции, невозможно

¹ Шпенглер О. Закат Европы М.: Мысль, 1993.

понять без отсылки к младшим современникам Шпенглера – Артуру Меллеру ван дер Бруку, Карлу Шмитту и Эрнсту Юнгеру.

Центральными первоисточниками данного исследования являются следующие работы Шпенглера: главный труд «Закат Европы» («Der Untergang des Abendlandes»), сборник статей «Речи и выступления» («Reden und Afsätze») идеологические произведения «Пруссачество и социализм» («Preussentum und Sozialismus»), «Годы решений» («Jahre der Entscheidungen») и «Воссоздание германского Рейха» («Neubau des deutschen Reich»). Закат Европы переводился на русский язык несколько раз. Первый перевод первого тома «Заката Европы» под названием «Гештальт и действительность» («Gestalt und Wirklichkeit») вышел в переводе Н. Ф. Гарелина в 1923 году. В 1993 году Закат Европы вышел в переводе К.А. Свасьяна. Второй том «Заката Европы» под названием «Всемирно-исторические перспективы» публикуется на русском языке значительно позже, только в 1998 году в переводе И.И. Маханькова. Сборник «Речи и размышления» до сих пор не переведен на русский язык, «Пруссачество и социализм» был переведен на русский язык Г.Д. Гурвичем в 2002 году, «Годы решений» – В.В. Афанасьевым в 2006 году, «Воссоздание немецкого Рейха» – А. В. Перцевым и Ю.Ю. Коринцем в 2015 году. Для уточнения анализируемых в настоящем исследовании понятий, их всестороннего анализа, было предпринято сопоставление указанных русскоязычных изданий Шпенглера с немецкими оригиналами².

Что касается Канта, то основным источником являются три кантовские критики, чей перевод на русский язык группой Лосского обладает общепризнанным качеством.

По Гёте основным источником являются 32, 33, 34 и 35 тома Штутгартского собрания сочинений в 36 томах³, которое не уступает

² *Spengler O.* Der Untergang des Abendlandes. München: DTV, 1973; *Spengler O.* Reden und Aufsätze. München: C. H. Beck, 1938; *Spengler O.* Jahre der Entscheidung: Deutschland und die weltgeschichtliche Entwicklung. München: DTV, 1961; *Spengler O.* Preussentum und Sozialismus München: C. H. Beck, 1920.

³ *Goethe J. W.* Sämtliche Werke: In 36 Bänden. Stuttgart: Kröner, 1882.

Веймарскому изданию сочинений Гёте в плане подборки сочинений по естествознанию: морфология⁴, общему естествознанию⁵ и учению о цвете⁶. Этот корпус работ Гете, посвященных историческому переосмыслению природы, на русском языке представлен лишь фрагментарно в издании И.И. Канаева «Гёте: избранные работы по естествознанию», где в полном объеме представлены лишь три наиболее известные естествоведческие работы Гёте: «Метаморфоз растения», «О межчелюстной кости OS Intermaxillare у животных и человека» и «Учение о цвете», тогда как сочинение «Геология и минералогия», являющееся наиболее существенным для понимания историчности Природы, не представлено вовсе.

Из объемной литературы по гештальтпсихологии, которая является для Шпенглера существенным концептуальным источником в рамках конструирования теории познания, мало что переведено на русский язык. Среди переведенных текстов можно назвать работы Макса Вертгеймера «Что такое гештальтпсихология», «Продуктивное мышление» и двухтомник Келлера/ Коффки «Гештальтпсихология». Несмотря на то, что эти работы являются важными для настоящего исследования, очерчивая холистскую психологию познания, которая играет роль опосредующего звена между внешнеположным по отношению к субъекту требованием разума и чувственным опытом, они представляют собой специализированные исследования, обсуждающие экспериментальные данные: они уступают по концептуальной насыщенности работам, всецело посвященным именно теоретической разработке понятия гештальта⁷. Важное место в русле данной проблематики занимают работы Хельмута Плеснера, главного последователя Шпенглера в

⁴ *Goethe J. W. Zur Morphologie // Goethe J. W. Sämtliche Werke in 36 Bänden. Stuttgart: Kröner, 1882. Bd. 32.*

⁵ *Goethe J. W. Mineralogie und Geologie, Meteorologie, Zur Naturwissenschaft im allgemeinen u. a. // Goethe J. W. Sämtliche Werke in 36 Bänden. Stuttgart: Kröner, 1882. Bd. 33.*

⁶ *Goethe J. W. Zur Farbenlehre // Goethe J. W. Sämtliche Werke in 36 Bänden. Stuttgart: Kröner, 1882. Bd. 34, Bd. 35.*

⁷ *Köhler W. Die physischen Gestalten in Ruhe und im stationären Zustand: eine naturphilosophische Untersuchung. Braunschweig: Friedr. Vieweg & Sohn, 1920; Köhler W. Gestaltpsychologie. New York: Livereight, 1929; Köhler W. The task of Gestalt psychology. New York: Princeton university press, 1972.*

рамках разработки понятия гештальта в его связи с философской биологией. Основная идея Шпенглера, связанная с тезисом о том, что жизнь является началом гетерогенным относительно порождаемых им форм (культур, индивидов), активно развивается Плеснером в его проекте философской антропологии, выражаясь в концептуализациях понятий «организма», «окружающего мира» и «причинности». Основным источником здесь является десяти томное франкфуртское собрание сочинений на немецком языке, изданное еще при жизни Плеснера⁸.

Степень исследованности темы

Номинально понятие гештальта в философии Шпенглера обсуждалось во множестве работ. К примеру, это работы Г.М. Тавризян «О. Шпенглер, Й. Хейзинга: две концепции кризиса культуры», статья Ю. Давыдова «Биокосмическая мифологизация диалектики», статья В. Межуева «Европейская культура перед лицом западной цивилизации». Среди работ западных исследователей можно выделить сочинения «Анти-Шпенглер» О. Нойрата (1921), «Освальд Шпенглер как философ» Э. Мейера (1922), «Спор со Шпенглером» М. Шретера (1922), «Учение о городах Шпенглера» О. Коелреттера (1924), статью «Об учении Освальда Шпенглера» Т. Манна (1924), а также более поздние труды: философско-биографическое сочинение Стюарта Хьюза «Освальд Шпенглер» (1952), труд А. Коктанека «Освальд Шпенглер в своем времени» (1968), и работу Детлефа Фелкена «Консервативный мыслитель между империей и диктатурой» (1984). В этих работах прослеживаются три одинаково неудовлетворительные стратегии интерпретации понятия гештальта.

К первой относится вписывание понятия гештальта в биографию Шпенглера, где дневниковые заметки Шпенглера и содержания его писем связываются с философско-историческими концептуализациями. В частности, А. Коктанек, К. Свасьян и В. Межуев определяют гештальт в качестве понятия,

⁸ *Plessner H. Gesammelte Schriften. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1980-1985.*

отражающего личностное неприятие Шпенглером систематико-метафизического подхода в философии: гештальта – это спонтанная греза Шпенглера, «копия его внутренних переживаний». Тезис Шпенглера о том, что исследователи, приверженные природному миропознанию, упорядочивают мир в соответствии с всеобщими и неизменными во все времена правилами, тогда как историки мыслят фигурами индивидуальности и уникальности, оказывается в этом плане выстраданным следствием непосредственного исторического переживания действительности самим Шпенглером, его экспрессивным образом. Природа для Шпенглера – это позитивный, а потому поверхностный мир повседневности, тогда как история – это глубокий, всегда интимный и невыразимый интуитивный опыт смыслополагания.

Ко второй стратегии относится подход таких исследователей как О. Нойрат, Д. Фелкен и Коктанек и отчасти Г. Тавризян, где отношение гештальта определяется противопоставлением «либерального» и «консервативного»: Природа – это выражение универсальных правовых норм социально-политического существования человека, связываемые с эгалитарной логикой Французской революции, тогда как история – это выражение шпенглеровских консервативных позиций, в соответствии с которыми индивидуальность ассоциируется с авторитаризмом, а стихийность переживания – с политическим произволом.

Третья стратегия определяется переосмыслением понятия гештальта в русле русской религиозно-философской мысли. В 1922 году русское издательство «Берег» выпускает сборник под названием «Освальд Шпенглер и Закат Европы», составленный из четырех статей Ф. А. Степуна, С. А. Франка, Н. А. Бердяева и Я. М. Букшпана, в которых прослеживается общая тенденция, в соответствии с которой культурно-историческая доктрина Шпенглера должна быть усвоена в рамках проекта обновленной русской религиозности, инициированная размышлениями Шпенглера о будущем русской культуры. Однако следует отметить, что все три перечисленные стратегии формируют

основу для более полного, внимательного, объективного и актуального прочтения философского творчества Шпенглера.

Объект исследования: проблематика конституирования целого как возможности западного исторического дискурса.

Предмет исследования: философская реконструкция понятия истории в европейском модерне на материале работ Освальда Шпенглера.

Научная новизна

В диссертационном исследовании

- проанализировано онтологическое, методологическое и социально-политическое значение понятия гештальта в философско-исторической концепции Освальда Шпенглера;
- дано целостное и систематическое представление о значении шпенглеровского разграничения Природа/История в рамках обширного историко-философского контекста;
- выявлено и подвергнуто систематическому анализу влияние кантовской теории пространства на шпенглеровскую концепцию окружающего мира и ее разработку в антропологии Хельмута Плеснера;
- произведена подробная реконструкция влияния на философию Шпенглера рассматриваемой Риккертом проблемы соотношения индивидуального и всеобщего, которая развивается в шпенглеровском сопоставлении кантовской и гетенианской модели исторического генезиса;
- при написании диссертации были использованы материалы, не переводившиеся на русский язык, что позволило ввести в научный оборот философские тексты, которые не исследовались подробно в отечественной историко-философской литературе;
- выявлено и проанализировано понятие проекта, позволяющее преодолеть устоявшееся представление о виталистическом

иррационализме Шпенглера и показать его телеологическую направленность;

- показано становление понятия народа в рамках концепции консервативной революции, где проанализирована получившая после Версальского мира распространение идея необходимости общегерманского сопротивления политическим ценностям западной Европы;
- проведен разбор дефиниции Друг/Враг, являющейся основным концептом консервативной идеологии, введенной Карлом Шмиттом в ее связи с отношением «консервативного» и «либерального» на примере теорий общественного договора Гоббса и Руссо;
- раскрыто религиозное-мифологическое обоснование понятия «рейха» у А. Меллера ван дер Брука и Э. Юнгера.

Теоретическую и методологическую основу исследования составляет комплексный историко-философский анализ первоисточников и интерпретация понятий. Подход в рамках данной проблематики характеризуется в качестве междисциплинарного, синтезирующего методы историко-философского анализа, герменевтического метода и деконструктивизма.

Положения, выносимые на защиту

1. Гештальт – это метапонятие, структурирующее мысль Шпенглера в качестве системы знания и легитимирующая связанные с ней положения, выявляющее ее зависимость от идеологии европейского модерна.
2. Отношение Природа/История играет для Шпенглера ключевую роль в рамках общей философской преемственности: если Природа – это форма смыслополагания, определяющаяся понятием закона (И. Кант), связанная с представлением о конституирующей роли научного знания, то История – это онтологическая форма смыслополагания, определяющаяся аксиологической переработкой идеи жизни.

3. Системное критическое осмысление политического утверждения понятия народа в эпоху Веймарской Республики, связанного с отрицанием эгалитаристских государственных моделей, концептуализацией отношения Друг/Враг и выработки на ее основе представлений об уникальности немецкого народа, призванной оправдать любые формы его политического самоутверждения.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Диссертация продемонстрировала системность и преемственность западноевропейского философского дискурса на примере философского творчества Освальда Шпенглера, в границах которого различие между разумом и жизнью оказывается необходимо присущей логике современности антиномией. Она формирует теоретическую базу для глубокого и всестороннего осмысления историко-философских проблем, начиная от XVIII столетия и вплоть до сегодняшнего дня. Результаты данного диссертационного исследования могут быть использованы в разнообразных культурно-философских, социально-исторических и антропологических исследованиях, а также в подготовке как общеобразовательных, так и специализированных курсов по философии истории, культурной антропологии, политической философии, немецкой классической метафизике и философии жизни.

Апробация работы

Основные результаты исследования были представлены в форме докладов на научных мероприятиях, проведения семинаров и чтения лекционных курсов:

- Межвузовская конференция «Философия, культура, история», РГГУ, 2012;
- Университетская конференция «Междисциплинарный семинар молодых ученых», РГГУ, 2013;
- Чтение курса «Философия Освальда Шпенглера» в рамках преподавательской практики, РГГУ, 2013;

- Проведения семинара «Психология и философия гештальта» на факультете журналистики, РГГУ, 2013.

На основе диссертационного исследования автором были подготовлены и опубликованы статьи, в том числе и журналах, рекомендованных ВАК. Диссертация обсуждена на заседании кафедры истории зарубежной философии философского факультета РГГУ и рекомендована к защите.

Структура диссертации определена поставленными задачами и порядком их решения. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка источников и исследовательской литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** формулируются цели и задачи диссертационного исследования, обосновывается его научная актуальность и новизна, характеризуются основные методологические принципы, лежащие в основе исследования, дается краткий разбор используемых первоисточников и исследовательской литературы, посвященной выбранной проблематике.

В **первой главе** диссертации «**Образ Природы**» был проанализирован генезис образа Природы, соотносящийся с концепцией пространства. В **первом параграфе** данной главы «**Пространство как аффект**» доказывается, что кантовский «коперниканский переворот» в области философии связан в первую очередь утверждением пространства в качестве фундаментальной созерцательной категории, придающей Природе историчность. Тезис Канта, согласно которому субъект конструирует мир в качестве картины мира, ограниченной врожденной ему пространственной способностью, оказывается исходным пунктом для шпенглеровской интерпретации Природы. Шпенглеровский прообраз «бесконечного пространства» есть выражение укорененной в пространственном мышлении историчности – невидимого аффективного воздействия, инвариантного по отношению к любым конкретным способам мировосприятия. Подчеркивается важность для Шпенглера кантовской интерпретации пространства в качестве общей логики формы, к которой могут быть сведены все частные концептуализации действительности.

В то же время кантовская концепция пространства является для Шпенглера объектом критики, которая, по его словам, не выходит за пределы своего инструментально-технического приложения, будучи тесно связанной с математическим естествознанием. Например, в работе «О различении сторон в пространстве» Кант приходит к выводу о том, что телесная способность мыслить мир конгруэнтными противоположностями (верх/низ, левое/правое,

сзади/спереди, вблизи/вдали) есть не способность, укорененная в теле как в живом индивидууме, но проявление единого мирового пространства, о котором говорил еще Ньютон.

В качестве наиболее наглядной иллюстрации кантовского понимания пространства рассматривается логика схематизации, эксплицирующая способ функционирования пространства в русле конкретного акта восприятия. Если, к примеру, по Юму, мы никогда не воспринимаем предмет в качестве целостного объекта: мы воспринимаем лишь множество цветных точек, которые мы связываем в единство, подводя их под пространственную категорию, то для Канта пространственная категория – это то, что всегда *уже* присутствует в предмете, изначально придающая ему созерцательную целостность. Например, мы воспринимаем тарелку, потому что ее можно подвести под категорию круглого – условие ее возможности. Восприятие тарелки возможно потому, что соответствующая ей совокупность ощущений изначально содержит в себе категорию круглого. Эта изначально присутствующая в предметах пространственность является, с позиции Канта, фактом непрерывного воздействия cogito (акт «Я мыслю»), которое обуславливает возможность применения категорий в бесконечной эмпирической вариативности, что делает пространство конечным условием восполнения любой каузальной секвенции.

Во **втором параграфе** первой главы **«К проблеме культуры»** анализируется шпенглеровская попытка преодоления абстрактности кантовского пространства через разработку концепции окружающего мира – центральной в плане обоснования идеи культуры. Окружающий мир предполагает «овременение» кантовского пространства, позволяющее интерпретировать как специфическое жизненное пространство.

Шпенглер заимствует понятие окружающего мира у немецкого зоопсихолога Якоба фон Иксюля, согласно которому окружающий мир определяется взаимосвязью врожденных индивиду (безусловных) рефлексов и внешней среды обитания, структурирующей его поведение. Если внешний мир

– это совокупное пространство обитания конкретного животного, где обитает также и множество других животных (например, кедр – это общее пространство для лисиц, сов, муравьев и проч.), то внутренний мир – это специфический семантический регион, соответствующий инстинктивным потребностям конкретного существа. Хельмут Плеснер подчеркивает, что для Шпенглера важно не столько описать модель окружающего мира, сколько создать предпосылки для осмысления ее эволюционного генезиса. Плеснер предлагает осмыслить связанную с окружающим миром взаимосвязь «предметности» и «комплексно-качественных структур». Если предметность – это инвариантные перцептивные величины, формирующие «эго-единство» индивида, то комплексно-качественные структуры – это устойчивые эмпирические агрегаты (например, строение паутины, форма гнезда у птиц и т.д.), посредством которых индивид соотносит свою жизнь со средой. Предметность связана с возможностью дорефлексивного предвосхищения мира (огонь – горячий, лед – холодный, сахар-сладкий), реализующейся практически в рамках конкретной ситуации.

Ключ к историческому осмыслению генезиса окружающего мира дает понятие бодрствования. Бодрствование – это состояние вдумчивого, настороженного отношения к миру, описываемого термином «зона обнаружения». Бодрствование представляет собой «пустую зону», в которой живое существо обнаруживает сигналы, представляющие для него интерес, форма возможности, где возникают корреляты его влечений и потребностей. Проблематика бодрствования опирается на классическую антропологическую концепцию пространственной «свободы», исходя из которой ему, чтобы удовлетворить какой-то свой инстинкт необходимо постоянно пребывать в состоянии настороженности, занимать нейтральную позицию по отношению к миру. Например, когда белый медведь чувствует запах нерпы, он не может сразу реагировать на этот запах, который вначале должен быть локализован, прикреплен к определенной точке в общей пространственной карте. Медведь

находится на разрыве между сознанием и последующим действием, будучи неспособным реагировать непосредственно, но только опосредовано, через установление связи между рефлексом и его предполагаемым пространственным источником.

В рамках интерпретации исторического разрешения связанного с бодрствованием противоречия между миром и существом описываются две теоретические стратегии, совмещаемые Шпенглером. Первая определяется ассоциативно-психологической концепцией «проб и ошибок», тогда как вторая – концепцией «инсайта», обсуждаемой гештальтпсихологами. Исходя из общего для этих двух теорий положений о потенциальной вариативности поведенческой матрицы живого существа делаются два различных вывода. Концепция проб и ошибок утверждает, что успешная реализация животным инстинктивного действия зависит исключительно от его опыта – рефлекс, изначально связанный с автоматизмом реакции на внешний раздражитель, в условиях все новых и новых ситуаций бодрствования усложняется и видоизменяется, обогащаясь новыми ассоциативными связями. Другая стратегия определяется концепцией инсайта, выражающейся в логике внезапной интуитивной трансформации, согласно которой продуктивное решение поставленной окружающим миром задачи связано с качественным преобразованием всей ситуации, ассоциируемый со словами «Ага, понятно!». Шпенглер не отрицает тезис ассоционистов о непрерывном накоплении опыта, но полагает, что добавление нового комплекса связей всегда сопряжено с моментом радикальной когнитивной реструктуризации положения дел в целом, соглашаясь с опытами Келера над приматами, показавшими, что животные могут постигать изначально не вписанные в их средовые ограничения обстоятельства косвенным путем (через видоизменение предметного поля, использование орудий и т.д.).

Для Шпенглера теория окружающего мира оказывается важной потому, что она формирует матрицу для понимания функционирования научного

знания. Посредством понятия окружающего мира Шпенглера углубляет тезис Маха о тотальном прагматизме научного знания, достижения которого восходят к тому же самому требованию к наиболее продуктивному и экономному освоению мира, которое проявляется в логике взаимодействия индивида со средой и замыкающей историчность окружающего мира в инструментально-техническом целеполагании, являющееся основой функционирования культурного организма.

Во **второй главе** диссертации **«Образ истории»** проводится разбор логики исторического становления, радикально отличающейся от обобщающего инструментализма Природы, который определяется логикой «исключительности». В **первом параграфе** второй главы **«К вопросу о типе»** обсуждается понятие типа, выстраивающееся в качестве оппозиции к понятию рода. В истории обычно имеют дело с просвещенческой исторической моделью, к которой в частности восходит последовательность Античность, Средние века, Новое время. Она связана с подведением истории под общее понятие, минимализирующее событийный признак истории, значимость составляющих ее фактов в пользу самой процедуры подведения к общему. Просвещенческая модель связывает себя с усредненным историческим значением, тогда как у Шпенглера, находящегося под влиянием неокантианца Генриха Риккерта, речь идет о том, что образ, в соответствии с которым история определяется в эпоху Просвещения, не соответствует содержательной насыщенности, представляемой конкретным историческим явлением. Когда речь идет о том, что Гете и Бисмарк – это великие исторические личности, то подразумевается не то, что они определяют фигуру среднестатистического немца, но то, что их индивидуальность является образцовой, будучи понятием «большого объема», в рамках которого общность приобретает значение «единственности в своем роде».

Понятие типа вовлечено в спор Канта и Гёте. Если Гете отстаивает историчность первофеномена, то Кант отстаивает историчность идеала

(божественного человека), которая является чисто негативной: идеал существует в отдельном индивидууме в качестве регулятивной категории. Индивидуум не в состоянии воплотить идеал, но стремиться к этому, что делает его историческим существом. В противоположность Канту Гете исходит из феноменального характера отрицательности идеала: отрицание предполагает отрицание «чего-то», что придает идеалу действенность в пространстве и времени. Эта логика рождает понятие первофеномена, разрабатываемое Гете на биологическом материале. Гете интерпретирует таксономическую номенклатуру в биологии в качестве выражения органической воли к смыслу, а не субъективного рассудка. Гете приводит в пример первофеномены животных, растений или геологических пород, проявляющих себя в различных семействах, видах, разрядах, которые являются общими и неизменными для каждого из царств жизни константами, выражающимися в определенных относительно неизменных органических образованиях: у животных – это «межчелюстная кость OS Intermaxillare», в царстве горных порода – это «геологическое напластование» и т.д.

Во **втором параграфе** второй главы **«Жизненный порыв»** анализируется один из центральных параметров переживания исторического становления – «жизненный порыв», разработанный Шпенглером под влиянием А. Бергсона и М. Шелера. Шпенглер описывает жизненный порыв в контексте метафоры «растения», ассоциируемое Шпенглером с психологическим переживанием истории как «для-себя-бытия жизни». Растение – это форма жизни, существующей «в-себе-и-для-себя», отражающая фигуру Другого определяющую исторический опыт: то, что человек хотел бы видеть историю (прогресс, эволюция, развитие) по Шпенглеру является превращенной формой жизненного влечения, безобъектного стремления к самоутверждению.

В дескриптивном плане Шпенглер соотносит метафору растения с понятием ритма, совмещающим всеобщность исторического генезиса и организменную индивидуальность конкретных его форм. По словам

Шпенглера, Лютер не является Наполеоном, но они совпадают между собой лишь как части общей ритмики культуры, способной к неограниченному многообразию, при сохранении всей своей определенности, что объясняет существенность различий между историческими событиями для стороннего наблюдателя.

Завершающим для второго параграфа второй главы является интерпретация понятия еще-не-бытия, введенного Плеснером и связующим две точки зрения на историю: 1) причинную 2) целевую. Обе они – действующие причины, но связанные с разными методическими позициями: в одном случае речь идет о центробежном, в другом случае – о центростремительном движении. История, рассмотренная с точки зрения первой позиции, есть следствие, вызываемое определенным действием. История, осмысленная с точки зрения цели, это история, понятая в качестве будущего: субъект ставит перед собой некоторый проект, в соответствии с которым определяет свое отношение к настоящему и прошлому. Шпенглеровское противоречие цели и причины разрешается Плеснером посредством утверждения понятие «еще-не-бытия». Ключевой здесь является частичка «еще»: еще входит в состав таких словосочетаний, как «все еще», «по-прежнему», «по сей день». Речь идет о предвосхищении, но никогда не о реализации этого предвосхищения. С другой стороны, когда говорят, к примеру, «еще-длиться», то делают отсылку к действующей причине. Еще – это то, что есть в данный момент + потенция, сконцентрированная в этом «есть», тогда как то, что есть в данный момент – это то, что было предуготовлено прошлым. Еще-не-бытие описывается в качестве компромисса между будущим – тем к чему стремиться субъект, исходя из настоящего, и прошлым, предуготовляющим его форму его становления.

В третьем параграфе второй главы «**Организм как субъект**» обсуждается аутологический характер организма, основной чертой которого является взаимодействие организма и его органов. В качестве исходной

предпосылки этого взаимодействия описывается представление об организме, как о метасубъекте. Это представление демонстрируется Плеснером на примере логики эквипотенциальности, в соответствии с которой все органы организма реализуют гармонию, полагающую каждому из них функцию, изначально сопряженную с идеей целого. Плеснер приводит пример из биологии: если у животного удалить одну конечность, то все другие конечности будут переструктурированы в рамках функции замещения. Отсюда – не снимаемый парадокс органического целого, связанный с радикальной двойственностью органа: с одной стороны, орган есть необходимое средство для реализации организма в пространстве/времени, с другой стороны, он является слишком ограниченным для того, чтобы соответствовать связанному с организмом идеалу, что и обуславливает специфическое напряжение, характерное для жизни и истории.

В третьей главе **«Консервативная революция в Германии»** разбираются политические репрезентации понятия гештальта. Консервативная революция определяется поиском политической идентичности немецкого народа, выражающийся в противопоставлении себя странам западной Европы (США, Англия, Франция), которые «под маской продвижения эгалитарных ценностей» осуществляют мировую экспансию. В первом параграфе третьей главы под названием **«Концепция Друга и Врага»** у Карла Шмитта анализируется основное отношение консервативной революции – Друг/Враг, обусловленное, в первую очередь, социально-политической ситуацией, в которой оказалась Германия после поражения в Первой Мировой войне, оказавшейся решающим побудительным мотивом к его полновесной теоретической концептуализации, связанной с обращением Шмитта к теории государства Т. Гоббса.

В качестве основного пункта гоббсовской государственной проблематики описывается переход от естественного, догосударственного природного состояния человеческого общественно-политического бытия к гражданскому.

В шмиттовской интерпретации этого перехода обнаруживается полемика с теорией общественного договора Руссо, которая задним числом трактуется как теоретическое обоснование французской революции. Отношение Друг/Враг Шмитт впервые находит в гоббсовском понятии естественного состояния, которое представляет собой войну всех против всех. Естественное состояние преодолевается через заключение общественного договора, когда соображения безопасности берут верх над стремлением к индивидуальной свободе, и провозглашается общественный договор, при котором естественные права на защиту жизни делегируются сильнейшей власти. Схожий механизм реализации общественного договора обнаруживается и у Руссо, где индивидуумы также отчуждают свои права в пользу государственного целого. Но, если у Руссо это целое скорее рассматривается демократически, то есть как инстанция, ликвидирующая естественное состояние и гарантирующее индивидуумам максимум личной свободы и равенства, то гражданское состояние у Гоббса представляет собой перевод естественного состояния из индивидуального уровня на уровень межгосударственный. Гоббс полагает, что человеческая природа порочна и неисправима и видит выход лишь в том, чтобы обеспечить безопасность через объединение совокупностей индивидов в «больших людей», так называемых «Левиафанов», взаимодействие которых образует международное право, предусматривающее конкуренцию и войну, создавая соответствующие юридические нормы.

В связи с этим тезисом во **втором параграфе** третьей главы **«Совесть земли»** разбирается особое понимание «долга», характеризующее консервативное движение. Долг связывается не с интеллектуальными, но номотетическими ценностями. Правовые установления и моральные законы берут исток, по Шмитту, в логике конкретного пространственного ограничения, по отношению к которому индивид только и может чувствовать себя «обязанным». Шмиттовской номос созвучен представлению об особом «согласии» между немецким народом и землей, которое является

существенной составной частью идеологического мифа об ариях и семитах. В соответствии с этим мифом немецкий народ происходит от арийцев. При этом делается ссылка на паралингвистический анализ индоарийского корень «агуа», проводимый британским языковедом Максом Мюллером, в рамках которого устанавливается, что он связан со значением землевладения. Позиция консервативных революционеров отличается от нацистской идеологии тем, что для первых немец – это ариец, не потому что он наследует им по происхождению, но потому что в нем сильно развито крестьянское начало: он в максимальной степени соответствует образу земледельца и хозяина земли. Антисемитизм является логичным следствием обеих позиций: если в одном случае, семиты (евреи) враждебны, потому что они в отличие от других народов принципиально безземельны, будучи способным лишь паразитировать на чужой земле, то во втором случае к этому лишь добавляется дополнительная расовая составляющая.

В связи с этим в **третьем параграфе** третьей главы **«Корпоративная логика»** разбирается историко-религиозная интерпретация народа, в рамках которой ключевой является понятие корпорации. Корпорация – это макротело, выражающее хилиастическое понимание истории народа в качестве бесконечной длительности или зона. Понятие корпорации отвечает задачам одного из главных участников консервативной революции, Артура Меллера ван дер Брука, интерпретирующего немецкое государство в качестве «тысячелетнего Рейха» – государственного тела, соприкасающегося с вечностью и одновременно существующего во времени. Корпорация, по Меллеру, имеет неизменное органическое строение, восходящее к образу платоновского государства, где отдельные группы людей образуют «руки», «ноги», «торс» и «голову». Политическое существование корпорации определяется циклическим движением, осуществляемым посредством отдельных людей. Человек есть для корпорации орудие самореализации, но вместе с тем он никогда не отвечает ее запросам, обладающих мировым

масштабом: в качестве эмпирической индивидуальности человек стоит перед лицом ничто, будучи тем, что корпорация, в конечном счете, должна преодолеть. Корпоративное понимание Меллером народного тела находится в оппозиции к культурному пониманию, характерному для Ф. Ратцеля, согласно которому народное тело – это тип эволюционно формирующихся соседско-пространственных и языковых связей между людьми, тогда как у первого они должны быть закреплены через установление жесткой корпоративной системы.

Отсюда идет активно обсуждаемое Шпенглером и Юнгером понятие работы, характеризующееся противопоставлением «свободы-от», присущей демократически-буржуазному осмыслению свободы, «свободе-для», связанной с корпоративной логикой. Если первая определяется представлением о полной обособленности субъекта от всех связей, то вторая предполагает свободу от одних связей в пользу формирования других связей. Характерен пример противопоставления «дельца» и «чиновника»: в одном случае речь идет о чисто горизонтальных «сдельных» связях между людьми соответствующие, по словам Шпенглера, английской концепции общества свободных и прусской концепции государства, для которой характерны вертикальные связи.

В **третьем параграфе** третьей главы «**Мифологизация**» разбирается значение образа Солнца для немецкой консервативной идеи. Для консерваторов характерно обращение к известному немецкому филологу и лингвисту Макс Мюллеру, создавшему мифологическую языковую генеалогию, в соответствии с которой немецкое слово Gott является более поздним образованием Gut, что означает добро, прежде всего, материальное довольство и благополучие которые, как он пытается показать, связываются с явлениями солнца. Мюллер привлекает косвенные свидетельства латинского языка: по словам Мюллера, слово deus происходит от индоарийского dei, что означает «сияющий» или «светящийся». Солнце оказывается «природной гарантией» уникальности немецкого народа, поскольку в отличие от стран крайнего севера, где солнца слишком мало и стран Юга, где солнца

преизбыток, в Германии количество солнца подчинено мере, «золотой середине», что прославляется в германских мифах, ставящихся на службу консервативной идеологии.

В **Заключении** производится финальная оценка результатов работы и их дальнейшие исследовательские перспективы.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК

1. *Подорога Б.В.* Логика морфологического мировосприятия в культурно- исторической концепции О. Шпенглера // Вестник РГГУ. 2012. № 17 (97). С. 80-88.
2. *Подорога Б.В.* Идеологические корни философии истории Освальда Шпенглера // Вестник РГГУ. 2014. № 10 (132). С. 57-66.
3. *Подорога Б.В.* Философия Освальда Шпенглера: гештальт как фигура познания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. 2015. № 6 (56). С. 154-157.

Публикации в других научных изданиях и тезисы докладов на научных конференциях

1. *Подорога Б.В.* Понятие гештальта в философии истории Освальда Шпенглера // Философия. Культура. История. Материалы межвузовской конференции. Москва, 12 - 13 декабря 2011 г., М., РГГУ, 2011. С. 150-155.